

И. Е. АНДРОНОВ

«МАГДЕБУРГСКИЕ ЦЕНТУРИИ» ЗАМЫСЕЛ, АВТОРЫ, ОРГАНИЗАЦИЯ РАБОТЫ

Историческое сочинение, известное как «Магдебургские Центурии» (1559-1574), положило начало длительной полемике между лютеранскими и католическими историками. Важнейшим стимулом к формированию замысла сочинения стало временное прекращение заседаний Тридентского Собора в 1552 г. Идея «Центурий» родилась совместными усилиями нескольких интеллектуалов-лютеран. В статье рассматриваются обстоятельства зарождения концепции, формирование и деятельность авторского коллектива до выхода в свет первого тома.

Ключевые слова: историография, история церкви, Магдебургские Центурии

В эволюции исторической мысли второй половины XVI в. особую роль сыграла церковная историография. Бурная дискуссия между протестантами и католиками стала полигоном, на котором формировались первые всемирно-исторические концепции, разрабатывался системный подход к источникам, углублялись познания в ряде вспомогательных исторических дисциплин. Старт дискуссии дал вышедший в 1559 г. первый том сочинения по истории церкви, написанного коллективом авторов в нескольких германских городах – «Магдебургских Центурий»¹. Зарождение новаторского научного замысла, имевшего столь звонкий успех и долгое эхо, является объектом рассмотрения в настоящей статье.

С момента своего появления на свет учение Лютера находилось в непримиримом противоречии с католической доктриной. Это обстоятельство весьма расстраивало императора Священной Римской империи Карла V: его планы по созданию сверхдержавы шли вразрез с целями новой религиозной идеологии. После первоначального распространения «лютеранской чумы» он, правоверный католический государь, попал в сложнейшее положение: ситуация превращала его в главного проводника папской идеологии, в то время как государственный интерес заставлял стремиться к политической независимости прежде всего от папства. Реформация практически спровоцировала раскол внутри его империи в преддверии великой борьбы не только внутри христианского мира (за

¹ Полное название книги – *Ecclesiastica Historia, integram ecclesiae Christi ideam quantum ad locum, propagationem, persecutionem, tranquillitatem, doctrinam, haereses, ceremonias, gubernationem, schismata, synodos, personas, miracula, martyria, religiones extra ecclesiam et statum Imperii politicum attinet, secundum singulas Centurias, perspicuo ordine complectens: singulari diligentia et fide ex vetustissimis et optimis historicis, patribus et aliis scriptoribus congesta per aliquot studiosos et pios viros in urbe Magdeburgica.*

создание сверхдержавы), но и вовне его (против турок). Поощрять поддерживавшие Лютера княжества император не мог, поскольку в борьбе за верховенство светской власти над папской собирался сделать из своих католических земель мощный форпост. Оставаться безучастным тоже было невозможно – конфликт зашел слишком далеко, и над императором витала тень возможного обвинения в ереси.

Естественно, что Карл, прежде всего, стремился минимизировать конфликт. По его приказу был подготовлен текст доктринального примирения между собой подданных Священной Римской Империи – католиков и лютеран (так называемый «Интерим», от латинского слова *interim* – «тем временем»). После череды конфликтов вокруг различных версий Интерима в 1548 г. был разработан новый документ – так называемый «Лейпцигский Интерим». Для удобства достижения компромисса было разработано особое понятие – адиафора (множественное число от греческого слова *ἀδιάφορον* – «безразличное», «неважное»). В эту категорию были отнесены все вопросы, компромисс по которым представлялся маловероятным, но сами они не отличались кардинальной важностью в данной острой политической ситуации. Меланхтон с радостью воспринял возможность достижения компромисса и счел потери от уступок несущественными. Сблизив протестантов и католиков (а еще больше протестантов и Карла), этот новый проект породил раскол в среде лютеран: группа несогласных с примирительной позицией Меланхтона интеллектуалов стала называть себя гнесиолютеранами.

Тем временем углублялась политическая составляющая конфликта между лютеранами и католиками. В 1545 г. открылся Тридентский Собор. Католическая сторона продемонстрировала готовность использовать в противостоянии разнообразный административный ресурс, которому лютеранам было нечего противопоставить. Требовалось найти новое, революционное средство идеологической борьбы, которое смогло бы компенсировать отсутствие такого ресурса у последователей Лютера.

Идея привлечь в идеологический конфликт историческую аргументацию датируется 1552 годом. В исторической литературе распространена точка зрения, согласно которой решающую роль в обращении лютеран к исторической проблематике сыграло ориентирование нового богословия непосредственно на текст Писания². После перевода Библии на немецкий язык важнейший для той эпохи исторический источник оказался доступен широкой массе читающих людей. Занимавшиеся толкованием Писания интеллектуалы постепенно распространили свой кру-

² См., например, *Massner SS. 74ff.*

гозор на созвучные по проблематике сюжеты из других эпох, и со временем они стали складываться в стройную концепцию. На наш взгляд, эта теория недостаточно принимает во внимание гуманистическое прошлое многих лидеров лютеранской мысли. Как показывает биографический материал, многие протестантские интеллектуалы пришли к экзегетике Писания и библейской герменевтике через исторические штудии.

Более оправданной видится другая точка зрения, выводящая зарождение интереса к истории Церкви из непосредственных обвинений противниками друг друга в отступлении от данного Господом порядка вещей. Католическая сторона изначально делала ставку на древность своей традиции и пиетет, который эта традиция должна была вызывать в душах верующих. После появления первых документов Тридентинского Собора лютеранам пришлось опровергать утверждение оппонентов о «вредной новизне» своего учения, наносящего ущерб вековой стабильности римской церкви. «Новизна» становится в глазах католиков символом ущербности новой идеологии. Выражение *postri saeculi povatores* получает теперь широкое хождение по страницам сочинений полемистов-католиков; обвинение в новизне воспринималось самими лютеранами крайне болезненно³. А ведь согласно представлениям лютеран середины XVI в., их критика римской церкви, их политические взгляды были залогом возврата к истинной церкви Христа. Без опоры на исторический материал, однако, их доказательства повисали в воздухе. В пользу «политического» происхождения интереса к истории говорит не только полученный (в виде «Центурий») результат – аргумент а *posteriori* не может быть корректным. Впервые тезис о необходимости обратиться к истории прозвучал в речи Меланхтона на похоронах Лютера, т.е. на мероприятии массовом и отчасти политическом⁴. Лютеране утверждали об исконности своих представлений о церкви и ее роли в общественной жизни. Идея «истинной древности» их взглядов требовала, однако, своего исторического доказательства.

Принимавшиеся Тридентским Собором решения стали, без сомнения, стимулом, который подстегнул действия оппонентов. Дело было не только в том, что Рим перехватил идеологическую инициативу и грозил перейти в наступление в борьбе за души верующих. Материалы Второго тридентского созыва (сессии XII-XVI, 1551-1552)⁵ сами по себе не могли бы вызвать обеспокоенность лютеранских лидеров. Они были

³ *Catalogus testium... Praefatio*, p. A.

⁴ См., в частности, *Scheible S. 17f.*

⁵ См. также *Sacrosanctum Concilium... P. 135ss. The Council of Trent... P. 73ff.*

посвящены в основном проблеме таинств, греху и покаянию, а также некоторым другим частным проблемам церковного права. Были предприняты первые попытки усовершенствования устройства католической церкви, нацеленные на устранение наиболее бросающихся в глаза недостатков. Эти попытки пока не имели системного характера и не подразумевали глубокого преобразования церковной жизни, однако слово *Reforma* уже использовалось в качестве официального обозначения принятых Собором мер. Попытки сближения с протестантами закончились выявлением глубокого идеологического противостояния. В работе Собора был объявлен двухлетний перерыв «для достижения мира в Германии», который автоматически продлялся в случае отсутствия этого мира⁶. Война так и не началась, но в распоряжении «протестантов»⁷ было минимум два года для того, чтобы подготовиться к новому идейному наступлению Рима. Сразу после приостановления заседаний Собора в 1552 г. папа Юлий III распорядился создать особую конгрегацию кардиналов и других иерархов, задачей которой была разработка концепции реформ. Дело опять застопорилось, но сам факт такого поворота не мог не обеспокоить протестантов⁸.

Все чаще встречавшееся вне Собора отношение к учению Лютера как «ереси» представляло для его последователей явную угрозу. На последних сессиях Римская церковь явно стремилась закрепить определение «реформа» за собственной политикой⁹. Если бы ей это удалось, если бы для лютеранского учения были отведены слово и концепт «ереси» и если бы расставленные таким образом терминологические акценты получили освящение временем, то все приобретенное в предшествующие века негативное значение понятия «ересь» ударило бы по облику последователей Лютера в глазах еще не до конца определившихся верующих, а особенно – князей мира сего. До тех пор, пока у учения Лютера нет своей фундаментальной фактологической базы, позволяющей выйти за пределы божественного и описывать состояние человеческого

⁶ *Sacrosanctum Concilium...* P. 214-216; *The Council of Trent...* P. 126-130.

⁷ В документах Тридентского Собора лишь дважды – и то с оговорками – встречается слово «протестанты». *Il qui se protestantes nominant* (XIII сессия, 11 октября 1551 г.), *eos qui se protestantes vocant* (XV сессия, 21 января 1552 г.). См. *Sacrosanctum Concilium...* P. 159 et 210.

⁸ Сарпи сообщил, что после создания этой коллегии «вначале за реформу взяли рьяно, а затем из-за множества препятствий несколько месяцев работа велась ни шатко ни валко, а в конце концов совершенно затихла». *Sarpi*. P. 283.

⁹ Об «ожидании реформы» в церкви после Констанцкого Собора см. *Jedin*. Bd 1. S. 23ff. Особенно последовательно нынешняя концепция католической реформы представлена в двухтомнике *Marcocchi*.

общества через события «истории человекoв», оно не выходит за рамки многочисленных движений по критике церкви¹⁰. Казалось, что двухлетний перерыв, объявленный в работе Собора, будет достаточным для того, чтобы заложить солидную теоретическую опору для выхода идеологического противостояния на новый уровень. Именно этими обстоятельствами объясняется тот факт, что Меланхтон обратился к мысли о необходимости написания большого исторического сочинения.

В 1553 г. поставленная Меланхтоном задача стала предметом обсуждения в переписке двух гуманистов – Каспара фон Нидбрука (1525-1557) и Матиаса Флация (1520-1575). Оба были личностями весьма примечательными. Каспар фон Нидбрук родился в Лотарингии и получил обширное гуманистическое образование: в 1539 г. учился в Страсбурге, затем посещал лекции в Орлеане, Эрфурте и Виттенберге (именно там в 1546 г. он познакомился с Флацием). Завершил образование Нидбрук в Падуе и Болонье, приобретя, помимо многих других «обязательных» для гуманиста XVI в. знаний, блестящее владение основными европейскими языками. Вскоре после завершения образования Нидбрук начал дипломатическую карьеру. В 1550 г. протестант поступил на службу к императору-католику Карлу V и получил доступ к самым потайным механизмам европейской политики. Нидбрук много путешествовал, и это лишь способствовало расширению его гуманитарного кругозора. Известно, что при подготовке посольской миссии 1554 года он планировал посещение в германских государствах свыше 30 библиотек, а спустя месяц его список включал более сотни частных собраний¹¹. Нидбрук скупал также рукописи и редкие издания, значительно обогатив императорскую библиотеку в Вене. Он всячески поддерживал идею создания протестантской версии церковной истории и снабдил ее авторов ценнейшей информацией об источниках. С ее помощью авторский коллектив «Центурий» значительно расширил круг своих источников, благодаря чему их труд вышел на уровень, недоступный прежним историкам.

Виттенбергский профессор был всего на пять лет старше своего студента. Матиас Флаций (в русской литературе встречается также Матфей Фляций¹², Влачич¹³, Матиас Флаций Иллирийский¹⁴) родился в

¹⁰ Манфред Вихелаус заметил, что вообще исторические сочинения последователей Лютера следует рассматривать сквозь призму важнейшего для Лютера вопроса (“Schicksalsfrage”) конституирования его движения (“Kirche oder Sekte?”). См. об этом *Wichelaus*. S. 111.

¹¹ *Allgemeine Deutsche Biographie*. Bd. 52, Leipzig, 1906, S. 625.

¹² *Лебедев*. С. 207 и далее.

¹³ *Культура Возрождения*. Энциклопедия. С. 863.

1520 г. на полуострове Истрия. Ученые не пришли к единому мнению относительно его национальности, однако его принадлежность к итальянской культуре несомненна. Истрия в то время являлась частью Венецианской республики, через посредство которой была включена в различные экономические и культурные процессы, характерные для гуманистической Италии. Мать мальчика происходила из итальянской дворянской семьи и воспитывала его в строгом религиозном духе¹⁵. Начальное образование Матиас (тогда еще, конечно, Маттиа) получил от отца и частных учителей, а затем – в Венеции, где учился у видных гуманистов и посещал университетские лекции. Но религиозные искания юноши не позволили ему завершить образование. Едва не вступив в орден францисканцев, молодой человек по совету своего дяди – видного деятеля Ордена Бальдо Лупетино¹⁶ – отправился в Германию. В 1539 г. он слушал лекции в Базеле, затем – в Тюбингене и Виттенберге. Именно в Виттенберге Флаций начал в 1544 г. преподавательскую деятельность. К 1552 г. он имел за плечами не только опыт профессуры в университете, бывшем главным оплотом лютеранского богословия. Оживленная полемика по различным теологическим и политическим вопросам выдвинула молодого человека на первые позиции в среде лютеранских богословов. Возможно, он уступал младшему товарищу в эрудиции и знал меньше современных языков, зато владел историко-философской проблематикой. Особенным уважением Флаций пользовался среди гнесиолютеран, которые считали его одним из своих лидеров.

Поворот Флация к истории, так сказать, в личном измерении начался в 1550 г. Сравнивая современные ему католические требники с древними, он обнаружил любопытные расхождения, которые и описал в довольно остроумной брошюре¹⁷. Среди других исторических сочине-

¹⁴ Брокгауз, Ефрон. С. 116.

¹⁵ См. (Mattiae Flacii Illyrici) *Demonstrationes evidentissimae...*

¹⁶ Бальдо Лупетино – очень примечательная личность. Диссидентствующий францисканец испытывал симпатии к лютеранству, которые привели его к пожизненному заключению (1543), а затем (после отказа принести покаяние и отречься от своих взглядов) – к жуткой смертной казни через утопление в Лагуне (1556). Этот эпизод добавляет яркую краску к характеристике духовного климата Чинквеченто.

¹⁷ Отметим, что этот текст был одновременно (и у одного издателя) напечатан на немецком и латинском языках, что говорит о нацеленности не только на близкую Флацию, но и отдаленную от него аудиторию. *Eine freundliche, demütige und andechtige Erinnerung an das hl. Volk und königliche priestertthumb des Antichrists, von der Besserung des heiligen Canons oder Stilmessen, Magdeburg, 1550. Amica humilis et devota admonitio M. Fl. III. ad gentem sanctam, regaleque Antichristi sacerdotium de corrigendo sacrosancto canone Missae. Magdeburgae, 1550.*

ний небольшого формата в том же году Флаций подготовил и немецкий текст «Против мнимого могущества и примата Папы»¹⁸. Эти и другие тексты переиздавались в изданиях, составленных из работ отдельных авторов-лютеран по отдельным моментам церковно-исторической проблематики и очень напоминающих сегодняшние сборники научных статей. Главной и довольно объемной работой Флация, написанной в ходе подготовки первого тома «Центурий», стал «Каталог свидетелей истины» (1556)¹⁹ – развернутый перечень авторов, в сочинениях которых можно было обнаружить расхождения с официальной католической доктриной, особенно в части преемственности развития церкви от эпохи Христа до начала XVI в. Эта работа еще ждет детального исследования. Согласно расхожему мнению, «Каталог» был написан как своего рода источниковедческий справочник для «Центурий»²⁰; на самом деле этот текст имеет самостоятельное значение и обладает некоторыми параметрами полноценного исторического исследования. В полемике против католиков ему отводилась особая роль, которая не была исчерпана после обнаружения исторической концепции «Центурий»²¹.

Нидбрук предлагал разбить новое сочинение на три части, посвященные соответственно «заблуждениям относительно Учения», «заблуждениям относительно обычаев» и отдельным негативным явлениям (последнее подразумевало историю возникновения привилегированного положения церкви и церковников). Нидбрук очертил и круг источников: помимо Священного Писания, он охватывал и корпус церковных писателей, сочинения против еретиков, уставы Орденов – одним словом, обширную, но без особого труда находимую литературу²².

В случае реализации этот проект представил бы собой довольно крупное сочинение, пронизанное историческим пессимизмом (при том, что собственно «историей» оно не являлось бы). Альтернативная концепция Флация изначально подразумевала изложение исторического континуума – непрерывную, хронологически строго выстроенную исто-

¹⁸ Widder die vermeinte gewalt... Подробнее об этом тексте см. *Preger*. Bd. 2. S. 415. Латинский текст был подготовлен позже и вышел под заголовком *Contra commentitium primatum papae* в 1554 г. в коллективном труде *Historia certaminum...*

¹⁹ *Catalogus testium...*

²⁰ Авторитетная «Оксфордская энциклопедия Реформации» сводит значение этого текста до «удобной в использовании подборки мелких источников». *The Oxford Encyclopedia of the Reformation* V. 2, P. 110-111.

²¹ Достаточно сказать, что «Каталог» был переиздан в расширенной и дополненной версии в 1562 г. – в году выхода 5 и 6 центурий.

²² Г. Шейбле реконструировал замысел Нидбрука, воспользовавшись сохранившейся в Вольфенбюттеле перепиской немецких ученых. См. *Scheible*. S. 19ff.

рию. По мере совершенствования своего замысла Флаций осознал удобство выдвинутой Нидбруком классификации, сформулировав свое видение проблемы не только в письмах, но и в ряде небольших работ, посвященных историческим вопросам. В частности, было признано разумным разделить общий исторический процесс на несколько составляющих его сквозных факторов, по которым можно было бы удобно классифицировать отдельные исторические факты и сообщения (*loci*).

Каспар Нидбрук ограничил свое участие в проекте эмоциональной и информационной поддержкой, а также продвижением его в тех кругах, в которых он вращался – среди дипломатов и государственных деятелей. Собственно историей он не занимался. Почему? Прегер говорил, что Нидбрук был «одним из самых способных духовных лиц протестантизма»²³, и это затрудняло сотрудничество с ним. Флацию пришлось подыскивать сотрудников, амбиции которых не стали бы препятствием для создания коллективного труда. Возможно, это предположение и имело под собой почву, но, на наш взгляд, настоящая причина его отстраненности от практических занятий историей была банальнее. Дипломатические обязанности, особенно после того, как он стал ближайшим советником молодого племянника Карла V, будущего императора Максимилиана II, не оставляли ему времени для профессионального научного творчества, тем более что выдвигаемые авторами идеи требования к профессионализму были очень высоки.

Поиск сотрудников затянулся. В 1554 г. Маркус Вагнер начал целенаправленный сбор материала. Проработав полгода в личной библиотеке Нидбрука, он отправился в очень долгий вояж, посетив, помимо длинного ряда немецкоязычных стран, Данию и Шотландию. Ставка была сделана на поиск ранее неизвестных или малоизвестных документов, описывающих ранние века христианской церкви. Задачей Вагнера было, прежде всего, искать старые церковные требники, особенно эпохи до Григория Великого, материалы инквизиции и процессов против верующих, сочинения против Антихриста, «которых в библиотеках еще полно», сочинения папистов против истинно верующих и впоследствии преследовавшихся или осужденных (т.е. тексты, проводящие папскую идеологию), а особенно – письменные свидетельства вальденсов. Очевидно, по первоначальному замыслу, именно эти тексты должны были составить основной корпус источников Центурий. Обращает на себя внимание тот факт, что с сегодняшней точки зрения подборка может показаться довольно тенденциозной и направленной на доказательство

²³ *Preger*. Bd. 2. S. 418.

заранее заданной точки зрения. Следует только помнить, что в самом корпусе «Центурий» материал данных источников широко дополнен другим, который здесь не приводится – Писанием, сочинениями Отцов и Учителей, схоластов, официальными документами римской Курии и т. д. Материал, который мог свидетельствовать в пользу Рима, был – благодаря просветительской и пропагандистской деятельности папства – более доступен, и за ним не надо было никого никуда отправлять. Оставалось еще огромное книжное и другое богатство самого Рима, папские (а также монастырские, диоцезанские, епископские) библиотеки, но они становились все менее доступными по мере того, как в Рим просачивались известия о подготовке крупнейшими мыслителями-протестантами загадочной, но очень масштабной публикации. Первые следы противодействия папистов сбору исторической информации можно отнести к 1552 г.: в одном письме²⁴ Флаций жаловался, что агенты Рима уже начали оказывать противодействие его проникновению в библиотеки. Несколько лет центуриаторы работали, по выражению А.П. Лебедева²⁵, «яко тати в нощи». Источники собирались практически во всех европейских странах, в том числе и в Московии²⁶; среди сборщиков материалов, помимо немцев, были французы, швейцарцы и др.

К разработанному Флацием плану прилагались подробные списки авторов, трудам которых сборщики информации должны были уделить особое внимание. Обстоятельства иногда подсказывали новые формы работы. Например, Флаций привлекал к доставке материала по вальденсам неких лионских купцов; женевакского книгоиздателя Роберта Стефана он отправил по тамошним библиотекам, пригласил к сотрудничеству базельского книготорговца Опорина (который впоследствии издаст в своей типографии и «Каталог свидетелей истины»), и сами «Центурии»). Флаций допускал, что печатные и рукописные тексты могут иметь свои лакуны, и поэтому – при общей нацеленности именно на дошедшие письменные свидетельства – он не желал упускать и источники других видов. Например, было дано указание опрашивать стариков, не слышали ли они, чтобы кто-то где-то проповедовал истинное учение либо в отношении всей религии, либо в отношении отдельных ее частей²⁷. При этом отметим сравнительно невысокую самостоятельность сборщиков и даже старшего из них – Вагнера. Он не принимал решений даже тогда, когда они были очевидны: когда в австрийских библиотеках он обнару-

²⁴ Ritter. S. 62.

²⁵ Лебедев. С. 208.

²⁶ Там же. См. также Schulte. S. 92.

²⁷ Ritter. S. 64 ff.

жил исключительно ценные тексты, которых не числилось во флациевых указаниях (конечно, потому, что сам Флаций об их существовании не знал и не предполагал), то решил прежде списаться с центром. Как только в Магдебурге узнали, что найдена греческая рукопись св. Григория Богослова, съеденная молью рукопись Алкуина о Троице и десяток других, не менее редких текстов, Вагнеру была дана команда немедленно отправить все в Магдебург нарочным. Отсюда мы делаем неопровержимый вывод, что манускрипты (по крайней мере, в данном случае) не копировались, а выкупались (либо отчуждались иным способом), и в Центр отправлялись подлинники. Этот эпизод показывает, какие задержки приходилось испытывать из-за того, что авторитет Флация значительно превосходил авторитет его помощников.

При сборе материалов центуриаторы пользовались помощью частных лиц. Сюда относятся и предоставленные в их пользование частные собрания, и специально спланированные целевые закупки. Свои библиотеки предоставили многие князья и просто богатые лютеране. В остальном поиск материала был затруднен. Римские монастыри и епископские библиотеки пускали к себе с трудом, не только потому, что боялись чего-то конкретного в виде центурий, но просто из-за того, что не очень доверяли рекомендательным письмам князей мира сего: один раз о Вагнере подумали, что он изучает деяния римских императоров, чтобы обнаружить указания на древнегерманские «свободы», т.е. особые привилегии германцев по отношению к другим жителям Римской империи. При общем невысоком знании истории такие привилегии представлялись как вполне вероятные, а значит, могущие составить повод для конфликта с римской Курией, к тому же конфликта, основанного на документе. Естественной реакцией в этой обстановке было не допустить хитрого ученого мужа к документам. Подозрительность некоторых ответственных за хранение книжных и архивных ценностей церковных иерархов, а также отсутствие выраженной церковной позиции по отношению к такого рода деятельности привели к тому, что центуриаторы оказались лишены некоторой существенной части теоретически доступных тогда архивных документов. Если самые распространенные папские документы – буллы, постановления Соборов, решения Трибунала и т.д. были доступны повсеместно, то некоторые другие скрывались за замками монастырских ворот. Рим еще не сталкивался (еще вообще никто не сталкивался) с возможностью идеологической диверсии с опорой на исторические источники, поэтому никому и в голову не приходило разрабатывать меры противодействия и вообще как-то рационально регулировать доступ к информации.

Постепенно Флаций подобрал и других сборщиков материала, и работа пошла веселее. Уже в 1557 г., то есть всего 4 года спустя после начала сбора и составления первых планов, Флаций писал Вагнеру, что теперь следует ограничить поиск материалами об эпохе, следовавшей за 1000 г.: о первом тысячелетии христианства материала уже достаточно. Справедливости ради скажем, что этого материала было больше и, так сказать, в открытом доступе – ведь и Писание, и вся огромная патристика, и работы Учителей, и постановления Соборов касались именно этой более древней эпохи. Тем не менее, указание Флация было выполнено пунктуально: XI, XII и XIII тома Центурий носят отпечаток заметного избытка материала, найденного после 1557 г.

Вопрос о материальном обеспечении проекта с самого начала стоял остро. При составлении первых планов работы Флаций рассчитывал, что какой-нибудь светский государь отложит на этот проект часть доходов с церковного имущества в своих владениях. Однако в 1566 г. (когда вышло уже 9 томов!) Флаций жаловался, что ни один из князей, ни один город, кроме Линдау (за что этот город был удостоен посвящения ему целой отдельной центурии), до сих пор не сделал ни одного взноса на проект. Король Дании, правда, обещал отчислять ежегодно по 200 гульденов, но обещания не выполнил. Средства удавалось раздобыть только от частных лиц – они чаще всего упомянуты в посвящениях. Считалось, что относительно удачным был сбор средств в городе Регенсбурге, но абсолютные цифры все равно вызывали уныние²⁸. Вагнер путешествовал главным образом на средства Нидбрука. Один из лидеров проекта Виганд работал бесплатно и даже сам вносил пожертвования. Денег не хватало, приходилось напрягаться и зачастую работать в долг. Имеются свидетельства, что простым работникам вообще задерживали зарплату²⁹.

Одной из причин слабого финансирования следует считать конфликт, поссоривший Флация с Меланхтоном и его ближайшими последователями. Флаций в 1558 г. переехал в Йену, где стал профессором кафедры новозаветной теологии. В эти годы между Флацием и Меланхтоном (оставшимся в Виттенберге) велась оживленная полемика вокруг адиафоры, а также по целому ряду других богословских поводов: ситуация была подчас довольно накаленной. Тем не менее, Флаций продолжал эффективно руководить начатым историческим проектом. Поначалу, когда ему только поручили создание авторского коллектива, желающих

²⁸ В 1557 г. там было собрано 100 гульденов. Эта сумма больше, чем может показаться (годовой оклад Флация как профессора университета в Йене составлял 300 гульденов), но, конечно, для такого затратного проекта совершенно недостаточна.

²⁹ *Preger*. Bd. 2, S. 429.

было так много, что кандидатуры приходилось отклонять. Легко находилась замена и тем, кто по каким-то причинам не справлялся с возложенными задачами. Однажды за нерадивость и пьянство был уволен один из сотрудников коллектива, некий Теодорих Атропей фон Цволь. Затаив обиду, он поехал в Виттенберг и там пожаловался Меланхтону, что в Магдебурге собрались злоумышленники, которые под видом работы над историческим сочинением против папистов готовят массированное опровержение тезисов Меланхтона и вообще невиданной силы удар по адиафористам. Меланхтон в некоторые его товарищи позволили себе некоторые упреждающие выпады против готовящихся Центурий, причем нанесли их не напрямую, а чужими руками. Помимо прочего, это поставило в известность о подготовке такой книги и явного врага – римскую Курию. Были пущены в ход обвинения в присваивании авторами «немецкого золота» и всяких прочих махинациях. Разгорелся скандал. Некоторые «молодые ученики Меланхтона» взялись рьяно отстаивать его доброе имя, но вместо того, чтобы представить какие-нибудь доказательства, стали поднимать на смех сотрудников. Между лютеранскими лидерами поселилась подозрительность, которая нанесла движению значительный вред. Обвинения в краже (денег, манускриптов, выкупленных для проекта книг) продолжались даже после смерти Флация и были с энтузиазмом подхвачены первыми профессиональными «опровергателями» из католического лагеря. Окончательно доброе имя Флация было очищено от жестоких обвинений лишь в XIX в.³⁰

Эта грязная история нанесла проекту большой вред, снизив его привлекательность для возможных спонсоров. Чтобы минимизировать ущерб, проект было решено рассекретить. В 1558 г. была выпущена замечательная брошюра, в деталях описывающая работу авторского коллектива – своего рода «открытое письмо» ко всем лютеранам³¹. Из нее мы знаем, как происходила подготовка этого труда и какие слухи вокруг работы «мужей из Магдебурга» доставляли им особое неудобство. Отметим, что данная брошюра представляет не этапы складывания коллектива и даже не сколько-нибудь длительно существовавшую структуру, а ее «временной срез» 1557-58 гг., т.е. того этапа, когда этот коллектив достиг максимальной эффективности. Эта эффективность проявит себя в частоте выхода первых томов «Церковной истории», отличавшихся четкой взаимосвязанностью, всеохватностью материала, строгой выдержанностью в соответствии с замыслом.

³⁰ См. *Preger*. Bd. 2, S. 430ff.

³¹ *De ecclesiastica historia...*

Штатный коллектив (*Collegium gubernatorum et operariorum*) в финале подготовительного этапа составлял 15 человек: 5 руководителей (*gubernatores*) и 10 исполнителей (*operarii historici*). Руководителями (они иногда назывались «инспекторы») были сам Флаций, магдебургский консул Эбелинг Алеман, доктор медицины Мартин Кёппе, священник знаменитой магдебургской церкви св. Ульриха Иоганн Виганд и диакон той же церкви Маттеус Юдекс. Историческими исследованиями эти люди не занимались – их обязанности были скорее административного характера: «инспекторы» председательствовали на заседаниях коллектива, нанимали новых работников и определяли их сферы ответственности, осуществляли общее руководство и составляли воедино части текста, выполняя, таким образом, функции своеобразного главного редактора коллективного труда. Именно их именами будут подписаны тексты «Посвящений», предпосланных каждому тому. Один из них был казначеем и выплачивал сотрудникам гонорар (вероятно, Алеман или Копус, которые в одном из писем Флация названы *quaestores*)³². «Инспекторы» не считались «рабочими-историками» (*operarii historici*), и историческая эрудиция была далеко не главным критерием. Подбирая «инспекторов» Флаций руководствовался их «твердой верой» и чистоплотностью в денежных делах – они были материально ответственными лицами. Степень их воздействия на концепцию, тем не менее, была колоссальной, и дело не только в том, что они определяли структуру труда и «проходили напильником» (*sub lima*) готовый текст. Именно они сообщали всему проекту мощный антикатолический заряд, ведя коллектив в нужном идеологическом направлении³³.

Первой задачей по обработке материала была подготовка первичных выписок (*loci*). Их делали уже профессиональные историки (должность называлась *studiosus*), и их имена нам известны: Амброзий Хидфельд, Давид Цицелер, Каспар Леулункулус, Вильгельм Раденсис, Николай Боймюллер, Бернгард Нигер, Петер Шродер. Эти мужи либо сами путешествовали по книгохранилищам, либо исследовали тексты,

³² Вероятно, личность кассира держали в секрете, чтобы не спровоцировать криминальных последствий. Центуриаторы поддерживали официальную точку зрения, согласно которой всю ответственность как за гонорары, так и за возмещение дорожных расходов, покупку книг и рукописей и т.д. нес сам Флаций. См. *De ecclesiastica historia... P. Aiiii-B*.

³³ На крупной выставке, устроенной в 2005 г. в Мюнхене обществом «*Monumenta Germaniae Historica*», Иоганн Виганд был вообще назван «главным автором Магдебургских Центурий»; при всей категоричности этого утверждения оно, несомненно, имеет некоторый резон. *Die "Magdeburger Centurien"...* S. 25.

которые для них добывали самыми разнообразными способами их оставшиеся для нас безымянными коллеги. «Исследователи» были основной рабочей силой проекта; по замыслу руководителей, эти люди должны были отличаться «образованностью и средней способностью к рассуждению» (*doctrina et iudicio mediocri praeditos*). Каждому из них инспектора назначали группу источников («списки авторов»), которые они должны были аккуратно конспектировать, двигаясь в историческом континууме от столетия к столетию. Эта работа не воспринималась как особенно творческая: «исследователей» неоднократно сравнивали с «прилежными и трудолюбивыми пчелками»³⁴, которые летают с цветка на цветок и собирают нектар. Они проделали колоссальный объем работы, но нигде при описании авторского коллектива мы не встречаем высоких оценок их труда. Одной из причин может быть особенное понимание труда историка: прилежание и трудолюбие еще воспринимались как второстепенные профессиональные качества.

Работа «исследователей» передавалась в руки двух «архитекторов» (в брошюре 1558 г. они именуются *Magistri*) Базилия Фабера и Панкратия Фельдпока. «Архитекторы» были истинным стержнем проекта. Они должны были отличаться не только выдающейся ученостью и «справедливостью суждений», но и возрастом (*aetate, doctrina et rectitudine iudicii praestantibus*), то есть, видимо, авторитетом в глазах «исследователей». «Архитекторы» не только контролировали работу «исследователей»; они перерабатывали полученный материал, в некоторых случаях требуя расширения информационной базы. Кроме того, они отвечали за экспозицию материала, отбирали достойное помещения в окончательный текст, следили за связностью изложения. Основной их задачей было расположить поступивший к ним в виде «единиц информации» материал строго по заранее установленным главам и разделам тома. Отметим, что один из *Magistri*, а именно Фабер, подписывал «посвятельные письма» в начале каждой Центурии наравне с «инспекторами». «Инспекторы», в свою очередь, просматривали работу обоих «архитекторов» и иногда сами принимали участие в переработке. Для переписывания готового текста набело был даже специальный переписчик; удивительно, что он был один. Вероятно, его звали Конрад Агриус.

После долгих исканий была определена единая схема, в соответствии с которой века христианской истории описывались один за другим.

³⁴ Например, “*sedulae ac industriae apiculae ex variis locis ac floribus convexerunt...*” (*De ecclesiastica historia... P. B*). “*quasi apiculae quaedam*” (*Ecclesiastica historia... I. Praefatio. P. B2s*). См. также *Лебедев. С. 210*.

Ни одна из созданных предшественниками моделей не годилась: описывая в основном деяния отдельных личностей, они практически не касались других сюжетов, которые, по мнению авторов «Центурий», и составляли суть исторического процесса. Проект, в котором внимание уделялось бы таким факторам исторического процесса, как эволюция церковного церемониала, доктринальных споров или системы управления церковью, был назван его авторами «историей (наи)более убедительной и полной»³⁵. Центуриаторы сформулировали 16 основных проблем церковной истории, сообразно которым каждое столетие получало 16-частное описание. Анализ структуры труда и общей концепции «Центурий» – это тема отдельного исследования; отметим, что историческое знание еще не имело примеров такого систематического подхода, к тому же так тщательно исполненного.

Многотомное сочинение Флация и его товарищей вызвало бурную реакцию католического лагеря. Оно способствовало не только повсеместному привлечению истории в качестве фактологического фундамента для идеологической борьбы, но и выходу дискуссии на более высокий профессиональный уровень. Благодаря этому сочинению лютеранство фактически конституировалось в полноправную церковную доктрину, снабженную теперь таким важным атрибутом, как собственная всемирно-историческая концепция.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Брокгауз Ф. А., Ефрон И. А. Энциклопедический словарь. Т. 36. СПб, 1902. 918 сс.
 Культура Возрождения. Энциклопедия. Т. 1, М., РОССПЭН. 2007. 863 с.
 Лебедев А. П. Церковная историография в главных ее представителях с IV до XX в. СПб, Алетейя, 2001 (3-е изд.). 474 с.
 Allgemeine Deutsche Biographie. Bd. 52, Leipzig, Duncker und Humblot, 1906. 742 с.
 Amica humilis et devota admonitio M. Fl. Ill. ad gentem sanctam, regaleque Antichristi sacerdotium de corrigendo sacrosancto canone Missae. Magdeburgae, Mich. Lotther. 1550. A1-8.
 Ecclesiastica Historia, integram ecclesiae Christi ideam quantum ad locum, propagationem, persecutionem, tranquillitatem, doctrinam, haereses, ceremonias, gubernationem, schismata, synodos, personas, miracula, martyria, religiones extra ecclesiam et statum Imperii politicum attinet, secundum singulas Centurias, perspicuo ordine complectens: singulari diligentia et fide ex vetustissimis et optimis historicis, patribus et aliis scriptoribus congesta per aliquot studiosos et pios viros in urbe Magdeburgica. In 13 vv. Basileae, Oporinus. 1559-1574.
 (Matthiae Flacii Illyrici) Catalogus testium veritatis, Qui ante nostrae aetate reclamarunt Papae. Basileae, Oporinus. 1556. 1095 p.

³⁵ «Historia nervosior et plenior». De ecclesiastica historia... P. A2.

- (Mattiae Flacii Illyrici) Demonstrationes evidentissimae de essentia imaginis Dei et Diaboli, justitiaeque ac injustitiae originalis, una com testimoniis veterum ac recentium theologorum. Basileae, apud Pernam, 1570. 36+326 p.
- (The) Council of Trent. The canons and decrees of the sacred and oecumenical Council of Trent Ed. J. Waterworth. London, 1848. 119 c.
- De ecclesiastica historia: quae Magdeburgi contexitur, narratio, contra Menium et Scholasticorum Wittebergensium epistolas a gubernatoribus et operariis ejus historiae edita Magdeburgi. Cum responsione Scholasticorum Witebergensium ad eandem. Witebergae, 1558. A1-G4.
- Eine freundliche, demüthige und andechtige Erinnerung an das hl. Volk und künigliche priesterthumb des Antichrists, von der Besserung des heiligen Canons oder Stilmessen, Magdeburg, Matth. Lotther. 1550. Pp. A1-B4.
- Historia certaminum inter Romanos Episcopos et sextam Carthaginensem Synodum, Africanasque Ecclesias, de primatu seu potestate Papae, bona fide ex authenticis monumentis collecta. Quaedam vetusta monumenta, unde potissimum praedicta Historia desumpta est. Item Contra primatum Seu tyrannidem Papae. Basileae, 1554, s. t. 214 c.
- Jedin H. Geschichte des Konzils von Trent. Bd 1. Der Kampf um das Konzil. Freiburg, 1949. XIII+643 c.
- Marcocchi M. La Riforma cattolica. Documenti e testimonianze. 2 voll., Brescia, Morcelliana. 1967. 589+414 c.
- (Die) “Magdeburger Centurien” und die Anfänge der quellenbezogenen Geschichtsforschung. München, 2005. 28 c.
- Massner J. Kirchliche Überlieferung und Autorität im Flaciuskreis. Studien zu den Magdeburger Zenturien. 1964. 110 c.
- (The) Oxford Encyclopedia of the Reformation. H. J. Hillerbrand (ed.). New York, Oxford, 1996. 2016 c.
- Preger W. Mattias Flacius Illyricus und seine Zeit. Bdd. 1-2. Erlangen, 1859-1861.
- Ritter J. B. Matthiae Flacii Illyrici, Ehemals berühmten und gelehrten Theologi in Theutschland Leben und Tod. (2e Aufl). Franckfurt u. Leipzig 1725. 210 c.
- Sacrosanctum Concilium Tridentinum, additis declarationibus Cardinalium Concilii Interpretum... Augustae Vindelicorum, Matth. Rieger et filiorum. 1781. 895 p.
- Sarpi P. Istoria del Concilio Tridentino. Torino, Einaudi, 1974. 608 p.
- Scheible H. Die Entstehung der Magdeburger Zenturien. Ein Beitrag zur Geschichte der Historiographischen Methode. Gütersloh, 1966. 78 c.
- Schulte J. W. Beiträge zur Entstehungsgeschichte der Magdeburger Centurien. Neisse, 1877. 172 c.
- Wichelaus M. Kirchengeschichtsschreibung und Soziologie im neunzehnten Jahrhundert und bei Ernst Troeltsch. Heidelberg, 1965. 530 c.
- Widder die vermeinte gewalt, und Primat des Babsts, zu dieser zeit, da die ganze welt sich beflieisset, den ausgetriebenen Antichrist, widderumb in den tempel Christi zu setzen, nützlich zu lesen. Magdeburg, Chr. Röd. s. a. A1-E2.

Андронов Илья Евгеньевич, кандидат исторических наук, доцент МГУ им. М.В. Ломоносова; orgizomenos@gmail.com